

Глава 1 Пятница, тринадцатое

— У человека прямоходящего сложно устроенный головной мозг... — Рябинкина стояла у цветного плаката и размахивала рукой, как королева английская.

— Хорошо, Маша, а какие ещё признаки ты знаешь? — Гуля довольно поправила большие несуразные очки на носу и протянула Рябинкиной указку.

— Спасибо, Гульнар Нурмухамедовна. Подковообразная челюсть, позвоночник с четырьмя изгибами... — Рябинкина посмотрела на биологичку и грациозно потянулась указкой вверх. Спиралька волос, выбившаяся из кучерявого хвоста, колыхнулась и застыла у первого шейного изгиба. Остальные три тоже очень отчётливо проступили сквозь розовую водолазку.

Рябинкина рассказывала, чем человек прямоходящий отличается от наземных млекопитающих. Хорошо, в принципе, рассказывала, увлекательно, я бы даже сказал наглядно.

— Широкий таз... — продолжила она под всеобщее хихиканье.

— Да уж, таз в самый раз, — прогоготал Селиванов.

Рябинкина покраснела до кончиков ушей и срезала его жёстким взглядом. Вот бы мне так... Рябинкина — кремь, хоть и отличница, но авторитетная. Её в классе недолюбливают и даже побаиваются. Я это сразу заметил. Уж очень умная. И язык у неё острый, умеет интеллигентно приложить: кинет пару фраз без лишних эмоций — бац, и в нокаут.

— Плоская грудная клетка, — железным голосом отчеканила Рябинкина, не отрывая взгляд от Селиванова.

Тот притих, как пришпиленная к картонке бабочка. Представляю, чего ему это стоило. Грудная клетка у Рябинкиной совсем не плоская, я бы даже сказал — выдающаяся.

— Гибкая развитая кисть, сводчатая стопа, большой палец нижней конечности приближен к остальным... — Рябинкина, как факир, взмахнула указкой.

Стопу и пальцы сквозь навороченные кроссовки видно не было. А вот кисть у Рябинкиной действительно очень гибкая и тонкая.

Звонок заставил меня вздрогнуть, отчего моя подковообразная, слегка отвисшая нижняя челюсть громко лязгнула.

Я резко оглянулся по сторонам. Вроде никто не увидел. Восьмой «А» с грохотом подскочил. Все побросали вещи в сумки и вылетели в коридор. Рябинкина вышла последней.

Я пошёл за ней. Не нарочно, конечно... Просто пошёл. Думал, она домой, а Машка, сверкая белоснежными кроссовками, спорхнула вниз по лестнице и зарулила в библиотеку. Ну и я зарулил, случайно, давно собирался...

Рябинкина оглянулась и, отутюжив меня взглядом, подошла к библиотekarше. Я сделал вид, что в упор никого не вижу, ломанулся влево и, как последний лопух, наткнулся на парту. Пришлось бросить рюкзак на стул и пройти к стеллажу с раскладкой «Внеклассное чтение».

— Здравствуйте, Лидия Сергеевна. Мне бы автобиографические повести Горького, они не на руках? — обратилась Рябинкина к сидящей у окна библиотekarше.

— Здравствуй, Маша. Сейчас глянем...

Стул проскрежетал по полу. Послышался стук каблуков.

Я обернулся. И зря... Машка стояла на месте и разглядывала меня, судя по довольному выражению её лица, не испытывая ни малейших угрызений совести. Я смахнул нависшую над переносицей непослушную прядь, отвёл взгляд и снова уткнулся в стеллаж с книгами.

— Возьми «Айвенго»... — вдруг посоветовала Рябинкина.

Я промолчал.

— Или «Чайку по имени Джонатан Ливингстон»... — не отставала она.

— Уже читал... обе... — выдавил я и понял, что краснею.

Рябинкина затихла. Но её взгляд я ощущал каждым позвонком. Главное, не оборачиваться...

Я заметил на полке толстенный том в чёрной обложке. «Дон Кихот» Сервантеса. Вытянул книгу. Полное издание, с акварелями Сальвадора Тусселя по гравюрам Гюстава Доре... Отцу бы понравилось.

Дома, в прежней томской квартире, было много книг. В основном папиных, научных. Физика ускорения ядерных частиц, поверхностная фотометрия галактик и прочая мозголомная литература, которую мог осилить исключительно доктор наук. Правда, однажды и я заинтересовался теорией струн, да и то потому, что для скрипача струны — это святое... Но и художественных книг тоже хватало. Самым потрепанным был двухтомник Сервантеса, отец перечитывал «Дон Кихота» сотни раз. Я тоже несколько раз брался, но мне не зашло... А вот «Айвенго» и «Джонатан» были моими любимыми. Конечно, если не брать в расчёт «Историю государства Российского» Карамзина и несколько десятков исторических энциклопедий. В последние несколько лет до того, как исчезнуть из моей жизни, отец увлёкся историей, и я вместе с ним...

— Нашла... — раздался голос библиотекарки. — Молодой человек, а вам что-нибудь посмотреть?

Я снова обернулся, женщина выглянула из-за стеллажа.

— Нет, спасибо. Я уже взял... — пробубнил я и присел за парту. Спohватившись, что забыл поздороваться, кивнул: — Здравствуйте.

— Здравствуй, что-то я тебя раньше не видела, — Лидия Сергеевна улыбнулась и тоже уселась за стол.

— Он новенький, из моего класса, в Нижний недавно переехал, — встряла в разговор Рябинкина.

— А зовут тебя как?

— Серёжа Шишкин! — представилась вместо меня Машка.

Тоже мне суфлёр. Не то чтобы мне очень хотелось высказаться, но зацепило крепко. Мало того что влезла, так ещё это уменьшительно-ласкательное — Серёжа! Хотя... если вдуматься... фамилию запомнила и имя...

Я уткнулся в книгу и сделал вид, что по уши поглощён чтением. Машка наконец оставила меня в покое и принялась за библиотекаршу.

Из их разговора я узнал, что Рябинкина собирает материал для проекта «Старый Нижний». Я загуглил и нашёл вот что. К юбилею Нижнего Новгорода объявлен конкурс. Для участия в проекте надо зарегистрироваться на сайте организаторов, отыскать любимые места в городе, составить свой собственный экскурсионный маршрут и нарисовать оригинальную карту, провести по маршруту экскурсию для друзей

и родных, а потом выложить отзывы вместе с фотоотчётом на сайте.

Эпично, но чего ради все эти старания, организаторы не написали. Зато пообещали разместить имя победителя на странице сайта. Интересно, и чего такого Машка собирается найти в этом сером мегаполисе?

Рябинкина положила выданную книгу в сумку и уже собралась уходить. Я поставил «Дон Кихота» на место и выскок из библиотеки первым, чтобы снова не тащиться за ней по пятам. Вышел за ворота школы, повернул налево и решил немного прогуляться. Машка, по ходу, тоже... По дороге открыл «Гугл-карты» и решил выучить все названия. Хочешь не хочешь, а жить в этом городе всё-таки придётся... Я пересёк Покровку и по Университетскому переулку прошёл к старому разбитому мосту над Почаинским оврагом.

Машка не отставала, тащилась за мной по пятам. Я засёк её боковым зрением.

Мы прошли мимо красивого памятника с голубями и каким-то священником. «Сергий Радонежский», — прочёл я на табличке и повернул на улицу под названием Ильинская. У церкви Вознесения Господня притормозил завязать шнурки.

Рябинкина перешла на другую сторону дороги и бодрым шагом направилась к переулку Крутому. Я пошёл за ней. Не специально. Просто ещё ни разу не ходил этой дорогой...

Переулок и вправду оказался крутым. Как только я заметил двухэтажный каменный теремок с башенками печных

труб, прикрытых зелёными куполами с резными флюгерами, сразу завис. Высокая бочкообразная кровля, узорчатые решетчатые оконца, парадный вход с деревянной крышей, разноцветные изразцы на фасаде. Старорусский стиль. Понял сразу, не зря столько лет учился в архитектурно-строительном лицее.

«Палаты А. Ф. Олисова, 1676 год», — доложил «Гугл». Рядом на фоне уродливой советской многоэтажки выделялась не менее древняя, чем палаты, Успенская церковь.

Машка давным-давно исчезла из виду. Но мне было не до неё. Я решил устроить собственный челлендж. В конкурсе участвовать не стану, а вот путеводитель свой сделаю, по-любому. А потом проведу по маршруту маму с бабушкой и Дашкой. В точности как отец водил нас по своим любимым маршрутам в Томске.

Я внёс найденные объекты в телефонные заметки, сделал несколько фото и отправился к пешеходному мосту...

* * *

Пару недель я рылся в интернете, бродил по улицам города с путеводителями, консультировался с Валентиной Петровной, нашей историчкой (она, кстати, ничего так... увлечённая) и даже занялся геокешингом.

Бомбическая штука этот геокешинг — с помощью специального приложения или сайта разыскиваешь тайники

в интересных местах, а заодно изучаешь историю города и туристические объекты.

Маршрут «Прогулка по улице Рождественской» в поисках тайника я прошёл быстро.

Вначале отыскал подсказку с координатами, спрятанную в ливнёвке у храма, построенного в честь собора Пресвятой Богородицы, в народе называемого Строгановской церковью. Церковь оказалась очень старой, заложенной ещё во времена Петра I. Витые колонны, пышная лепнина на розовых стенах, разноцветные чешуйчатые купола... Ярко, конечно. Но как по мне, немного ту мац.

А вот куранты на колокольне ничего так, занятные. Я заснял их на телефон и увеличил изображение. На каменных плитах вокруг циферблата обнаружил семнадцать славянских букв, разделённых звёздочками. Погуглил... Оказалось, раньше на колокольне были установлены другие, более древние часы. От них и остались эти буквы. Они заменяли привычные нам цифры. Но почему букв семнадцать?

Перерыв весь интернет, я выяснил, что древнерусское времяисчисление отличалось от нашего. Начало дневных часов тогда отмеряли от восхода солнца, а ночь — от захода. В разное время года количество дневных и ночных часов в сутках менялось. А самый длинный день или ночь длились по семнадцать часов, потому и циферблат имел семнадцать делений! Так что на закате часы просто останавливали,

а на рассвете снова запускали. Для этого даже специальный человек имелся — «часоводец». Однажды сложный часовой механизм сломался, а починить его смог только самоучка Иван Кулибин. Самое удивительное, что ему тогда, как и мне, всего пятнадцать было!

Впечатлённый часовой историей, я прогулялся до площади Маркина и сфотал фонарный столб с краном, который оказался не просто столбом, а самым настоящим памятником водоразборной колонке. Он был установлен в честь первого в России напорного водопровода, который появился именно в Нижнем Новгороде. На памятнике я нашёл ещё один указатель.

Следующими точками моей культурной программы стали скульптуры: художник без кисточки и мальчик-булочник с лотком в руках и в высокой фуражке с коротким козырьком, картузе, кажется... Ничего так, миленькие. Особенно мальчик.

Наконец дошёл до памятника Соляной афере. Залез в башмаки с надписями «честь» и «совесть», потёр мешок с солью, прочитал табличку, погуглил и узнал, что иначе эту скульптурную композицию называют «Памятник купеческой жадности». Установлен он у здания бывшей Соляной конторы, чиновники которой в девятнадцатом веке тайно распродали известным нижегородским купцам полтора миллиона пудов соли за бесценок, списав пропажу на неожиданный

весенний паводок. Но, как назло, именно в 1864 году паводка не случилось, и правда вскрылась. Чиновников наказали, а купцы отделались несколькими днями ареста и возмещением нанесённого ущерба. Тем не менее, по легенде, купец Блинов подарил сыну-казнокраду пару чугунных галош и напутствовал: «Носи один раз в год и помни о нашей чести».

Хм, типичный Нижний! Нашли что увековечить...

В галоше с надписью «совесть» я нашёл все необходимые циферки для поиска крошечного тайника, прозванного знатоками геокешинга микриком, и на раз отыскал по координатам закладку.

Раздобыв спрятанные в пластиковую коробочку сокровища (блокнот с изображением ретроавтомобиля ГАЗ и обшарпанный брелок-фонарик), я добрёл до начала Рождественской вслед за раритетным трамвайчиком. Под стенами кремля разглядел ночлежку на Миллионной, описанную Горьким в пьесе «На дне», прочёл знаменитую надпись «Водки не пить. Песен не петь. Вести себя тихо» и вернулся домой.

На этом активные городские маршруты геокешинга закончились. Остальные, интересные мне, были сплошь загородные — без автомобиля туда не сунешься. В нашей семье за рулём только бабушка, но её на такое точно не сподвигнуть. Зато, используя рейтинг старых городских объектов и порывшись в библиотеке, я наконец набросал на листе бумаги первый драфт моей карты. Старался включать в неё только